

ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ И ЛИНГВИСТИКИ

ВЗАИМОДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ АКТИВНОСТИ СУБЪЕКТА ПОЗНАНИЯ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И ВЫРАЖЕНИЕ

И.Д. Невважай

Саратовская государственная академия права
Вольская ул., 1, Саратов, Россия, 410056

В статье анализируется ограниченность альтернативных концепций познания — конструктивизма и реализма — и обсуждаются возможности преодоления их ограниченности. С этой целью рассматриваются такие взаимодополнительные формы активности субъекта познания, как интерпретация и выражение.

Ключевые слова: конструктивизм, реализм, интенциональность, респонсивность, интерпретация, выражение.

В предлагаемой статье будут проанализированы альтернативные концепции познания — конструктивизм и реализм — с целью преодоления ограниченности обеих. Мне представляется, что конфликт между этими двумя точками зрения на познание отражает вечное и фундаментальное различие между данным и созданным, между «давать» и «создавать». Вошедший сегодня в моду конструктивизм оправдывается тем, что представление о том, что нечто «дано», является мифом. Реализм прав в обвинении конструктивизма как идеалистической концепции познания, как «фабрики реальности». Вначале я хотел бы привести примеры того, что в истории науки нередко сосуществуют двойные подходы к пониманию реальности.

Начну с математики. В философии математики всегда, начиная с античных времен, существовали концепции, в которых по-разному понимаются ее основания. Платон обосновывал бытие математических предметов причастностью к высшей идеальной реальности, согласно же Аристотелю числа, геометрические фигуры суть результат отвлечения от чувственно воспринимаемых вещей. В начале XX в. в период кризиса оснований математики возникли такие направления, как логицизм и интуиционизм. Б. Рассел сформулировал философскую базу логицизма, исходя из того, что основания математики лежат вне ее, а именно в суждениях об эмпирических фактах. Рассел был убежден в том, что математика отражает ре-

альное положение дел. Противоположная позиция была занята основателем интуиционистской школы Брауэром, который считал, что основания математики лежат внутри ее самой. Философское обоснование математического знания остается актуальным до сих пор. Двумя альтернативными подходами к данной проблеме сегодня являются математический реализм и конструктивизм. Они соответствуют двум взаимоисключающим познавательным установкам. Согласно одной из них математика есть результат отражения объективной реальности, которая «задана», согласно другой математическая реальность конструктивно «задается» субъектом.

Другой пример. Современная физика стала в значительной мере математической физикой. Математическая гипотеза стала важнейшим инструментом поиска теорий. В начале формулируется математическая модель или математическое уравнение, затем идет поиск эмпирической интерпретации этой модели. В этом случае физическая реальность задается математической моделью. С другой стороны, эмпирическая интерпретация должна верифицироваться, и физики таким образом подтверждают свою веру в существование объективной внешней реальности, которой «соответствует» сконструированная научная теория. Если дискредитировать реалистическую установку, то физика, как и любая естественная наука, становится, по выражению Дж. Хоргана, иронической наукой, результаты которой являются абсолютно умозрительными и не подлежат экспериментальной проверке, что можно рассматривать как симптом «конца науки» [14].

Еще один пример из совершенно другой области — из области права. Издавна существуют представления о естественном и писанном праве. Аристотель характеризовал естественное право как то, что существует до человека и действует независимо от того, осознает это право человек или нет. Иначе говоря, естественное право «дано», а писанное право «задано», создано самими людьми. Вся история юриспруденции как науки связана с выяснением отношения между естественным и «искусственным» (позитивным) правом.

В философии познания мы находим аналогичное противостояние двух концепций, которые обозначаются в современной литературе как конструктивизм и реализм (или — в некоторых текстах — «натурализм»). Последние можно рассматривать как современные исторические формы развития платоновской и аристотелевской концепций познания. Особенностью платоновской концепции является признание идей в качестве структур, задающих содержание мира вещей. Напротив, аристотелевская концепция признает мир вещей таким, что он сам задает содержание понятий. Ярким историческим примером продолжения противостояния этих двух концепций является борьба эмпиризма и рационализма в философии Нового времени. Тупики, в которых оказывались эмпиризм и рационализм, обусловлены их методологией решения проблемы обоснования знания. Невозможно обосновать существование реальности вне и независимо от знания, исходя лишь из факта существования только самого знания (рационализм). Аналогичный тупик ждал эмпиризм, поскольку знание о фактах он стремился вывести из самих фактов.

Одним из способов решения описанной выше проблемы является допущение существования акта трансцендирования разума в действительность, действительности в разум. Таков подход, предложенный интуитивизмом. Этот подход, имевший

место в истории философии, связан с поиском таких отношений между субъектом с объектом, в котором преодолевается их различие. Интуитивисты настаивали на существовании непосредственного познавательного отношения к миру, которое не опосредовано какими-либо формами деятельности субъекта познания.

Идея о «непосредственном схватывании действительности в знании» особенно свойственна русской философии. Так, интуиционизм Н.О. Лосского был попыткой утвердить нерелексивное, непосредственное отношение к миру как базовое для познания мира. С.Л. Франк в своей теории познания исходил из принципа «систематического единства» познающего и познаваемого, согласно которому сознание не копирует внешнюю ему действительность и не наделяет эту действительность своими чертами, создавая иллюзию действительности, а «непосредственно созерцает реальность» и отдает себе отчет в ее содержании. В этом смысле всякое познание есть интуиция, в которой «состоит само существо сознания как непосредственного и вневременного начала» [11. С. 35—36]. Познание трансцендентной реальности обеспечивается этой интуицией.

Таким образом, интуитивизм не разрешает проблему обоснования знания, а устраняет ее, констатируя существование непосредственного познавательного отношения, в котором реальность «схвачена» и таким способом присутствует в интеллектуальном созерцании. Однако интуитивизм, как мне кажется, не в состоянии предъявить какие-то критерии, с помощью которых мы могли бы отличить акт «непосредственного схватывания» реальности от акта «непосредственного схватывания» воображаемого интенционального объекта. Интуиция есть фундаментальная способность человеческого сознания, но она не является априори способом прорыва разума к объективной реальности.

В связи с этим я хочу обратить внимание на то, как Кант предлагал разрешить коллизию между эмпиризмом и рационализмом. Он стремился построить «синтетическую» теорию познания, которая преодолевала бы ограниченность позиций эмпиризма и рационализма. Кант видел несовершенство позиции эмпиризма в невозможности описать переход от чувственно «данного» к его знанию (Кант говорил о «слепоте ощущений»), а рационализм он обвинял в том, что тот не может теоретически выйти за пределы понятий в область материальной действительности (обвинение в «пустоте понятий»). Синтез эмпиризма и рационализма при преодолении недостатков обеих концепций Кант нашел с помощью идей априоризма и понимания синтетической природы познания, решив вопрос о существовании синтетических суждений априори.

С методологической точки зрения кантовский опыт решения проблемы мне представляется весьма продуктивным. Кантовский выход за пределы и эмпиризма, и рационализма был связан с выявлением и анализом новых форм активного отношения субъекта к объекту познания.

Современные философские дискуссии между сторонниками конструктивизма и реализма пока выражаются в накоплении аргументов в пользу избранной позиции. Показательна в этом плане, например, дискуссия между В.А. Лекторским и В.М. Розиным, которая отражена в сборнике «Конструктивизм в теории позна-

ния», вышедшим в Институте философии РАН в 2008 г. [3]. Каждый из них признает притязания той или другой позиции, но остается на своей. Так, В.А. Лекторский признает, что «конструктивистский подход схватывает ряд важных характеристик познавательной деятельности, которые могут и должны быть лучше поняты в рамках другой эпистемологической позиции, которую я (вслед за некоторыми философами) называю конструктивным реализмом» [4. С. 31].

В.М. Розин в своих работах показал, что логическое мышление в античности возникло вследствие работ Аристотеля, в которых он определил правила и законы логики [8], выразив, таким образом, конструктивистскую точку зрения.

Оппоненты по-разному отвечают на принципиальный вопрос: «Существует ли предмет познания до того, как он стал изучаться?» В.А. Лекторский твердо держится принципа реализма, согласно которому осознавать можно только то, что уже существует, в то время как В.М. Розин допускает противоположный ответ: предмет познания создается процессом познания.

Многие сторонники реализма согласятся с тем, что «познаваемая реальность не «непосредственно дается» познающему и не конструируется им, а извлекается посредством деятельности» [4. С. 36]. Но как понимать это извлечение? Реалисты полагают, что можно извлекать лишь то, что есть. Но не надо забывать, что результат извлечения может не совпадать с извлекаемым. Если вы заранее не знаете, что извлечете, то на чем основана уверенность, что, извлекая из вещей, например, числа и фигуры, вы извлекаете именно то, что в них «есть», или чем они в действительности «являются»? Между «есть» и «являться» есть разница.

Напомню в связи с этим соображение И. Канта о том, что «безусловное находится в вещах не поскольку мы их знаем, но поскольку мы их не знаем» [2. С. 90]. Именно поэтому мы и можем говорить о том, что вещи «являются» числами, но не обязательно они и «есть» числа. Если бы мы знали, *каковы вещи* сами по себе (то есть как безусловное), то мы не знали бы на самом деле, *каковы они сами по себе*. То есть мы можем говорить о том, *каковы вещи сами по себе* лишь постольку, поскольку мы их не знаем. Поскольку мы не можем знать, *какова вещь сама по себе*, то мы можем лишь говорить о том, как она нам дана благодаря нашей позиции, *какова она в отношении к нам*. Само же это отношение всегда зависит и от нас. Говоря, что вещь нам «дана», мы не должны не забывать, что дана-то она *нам*, а не вообще кому бы то ни было. Она дана всегда нам и для нас. Кант прав, говоря о том, что нам даны лишь «вещи для нас». И мы не можем сравнивать то, что мы извлекли из вещи, с «самой» вещью. Если мы извлекли из вещи число, то это не значит, что число есть «внутреннее» самой вещи.

В связи со сказанным мне представлялся бы продуктивным выход за пределы и конструктивизма, и реализма, попытаться трансформировать оба подхода на базе принятия релятивизма (который не тождественен конструктивизму!). Здесь мне кажется методологически перспективным подход, который формулирует современный американский философ Т. Рокмор [9]. Критикуя фундаментализм, Рокмор отстаивает тезис релятивизма, согласно которому знание есть результат интерпретации опыта. «...Подход к знанию в терминах интерпретации трансформирует эпистемологическую проблему из той, что заботится об оправданном переходе от содержания разума к независимому объекту в совершенно другую проблему

объективности в интерпретации» [9. С. 91]. Здесь речь идет о том, чтобы признать и развить подход, который бы не абсолютизировал ни конструктивизм, ни реализм.

В связи с заявленной общей позицией хочу обратить внимание на идеи, которые, как мне кажется, позволяют преодолеть коллизию «конструктивизм—реализм». Несомненный интерес здесь представляют идеи, развитые М. Бубером и Э. Левинасом. В своей работе «Я и Ты», написанной в начале XX в., М. Бубер искал пути выхода из духовного кризиса, который, по его мнению, был связан с тем, что человек целиком погружен в отношение Я — Оно. М. Бубер полагал, что человек должен и может относиться к миру не только как к Оно, то есть как к совокупности безличных предметов, но и как к Ты, которое имеет личностное начало и с чем возможен диалог. Субъектный характер объекта познания проявляется в том, что М. Бубер назвал «властью исключительности», которой предмет захватывает субъекта познания и требует собственного признания. Что касается М. Бубера, то отношение Я к Ты-Богу первично, и поэтому возможность диалога согласно Буберу имеет вполне определенный религиозный контекст. Несколько иначе решает вопрос об основе познавательного отношения Э. Левинас. Оставаясь в рамках феноменологии, Э. Левинас перетолковывает ее основное понятие интенциональности и придает последней смысл открытости сознания «иному». Интенциональность есть обращенность к иному, к субъективности Другого. Левинас акцентировал внимание на этическом отношении к Другому.

Надо отдать должное тем феноменологам, которые стремились выйти за пределы гуссерлевского толкования интенциональности. В частности, речь идет об ученике Э. Гуссерля Адольфе Райнахе. А. Райнах ввел понятие респонсивности, или «ответности», для описания социальных актов [7]. Последние нацелены на соответствующие ответные действия агента коммуникации. Поэтому интенциональность, по Райнаху, содержит в себе «ответность», предполагаемое отношение Другого. Современный немецкий философ Б. Вальденфельс также развивает концепцию респонсивности сознания, но респонсивность у него дополняет, а не расширяет интенциональность [1].

Согласно Б. Вальденфельсу, термин «респонсивность» обозначает ситуацию, когда чужое сознание, или просто чужой, «пре-присутствует» в собственном сознании субъекта, который всегда отвечает на запрос, призыв чужого. Чуждость и ответ составляют единое целое, но таким образом, что «чужое» бросает нам вызов тем, что уклоняется от схватывания, и тем, что выходит за пределы понимания.

С точки зрения собственника сознания чужая претензия не следует «нашим» правилам и поначалу не имеет смысла. «Чужое» дает о себе знать в форме выходящего за пределы устанавливаемого собственным разумом порядка. Оно прерывает общепринятые смысло- и правилообразования и пускает в ход новое. Мы сами изобретаем то, что мы отвечаем, но не то, на что мы отвечаем и что делает значимым нашу речь и наши поступки. Чужое притязание отклоняет внимание от привычных событий и делает возможным иное видение, мышление и действие. Сознание своими актами может отвечать на некую «данность», реагировать на событие «вторжения чужого» в наше сознание, требуя ответа, требуя выразить вторгающуюся «данность». Анализ подобных актов связан с выяснением того, как объектив-

ная реальность (вещь, или «чужое» сознание) становится фактом нашего сознания. Поиск выражения притязующей на собственное бытие внешней данности осуществляется в актах говорения как попытке распознать и признать, что же нам дано.

Рассмотренные подходы подводят к следующим принципиальным выводам. Классический рационализм, затем гегелевско-марксистский деятельностный подход, потом лингвистическая философия говорили о том, что познание (постижение) внешней действительности есть опосредованное отношение к предмету: опосредованное понятиями, деятельностью, языком и т.д. Это опосредованное отношение лишает нас возможности непосредственного отношения к предмету, непосредственного схватывания предмета, то есть отношения, в котором предмет нам «дан». Опосредование всегда отдаляет нас от предмета, который всегда нам «дан» в формах нашей деятельности. Что означает здесь «дан», не очень ясно. Универсальности опосредования интуитивисты противопоставляют идею, что возможно знать предмет *непосредственно*. Но интуитивизм, как и в целом реализм, исходит из неявного допущения того, что то, что «данное непосредственно» единственно, подлинно, есть «настоящее». Такое допущение априорно, но не является столь уж очевидным. Оно лишь реализует закон тождества $A \equiv A$ как закон мышления.

По моему убеждению, есть другой путь к объекту. Для этого я предлагаю распространить идею субъектности «Ты», «Другого» на объект познания, признав способность его являть либо самого себя, либо иное.

Напомню в связи с этим важное различие, которое проводил Э. Гуссерль между феноменом и явлением. Подчеркивая специфику бытия сознания, Гуссерль говорил о феноменальной природе сознания, которая состоит в том, что *феномен* — это то, что показывает само себя, в отличие от материального мира, в котором *явления* всегда показывают другое, указывают на другое. Отсюда пара категорий «явление — сущность».

М. Хайдеггер, анализируя понятие феномена, показывает, что феномен не обозначает ничего «содержательного», но относится только к «способу», каким нечто становится нам доступным. Кроме того, Хайдеггер замечает, что к «способу бытия» феномена необходимо присуще как «показывание себя на себе самом», так и «скрывание себя» [12].

Эти мысли Хайдеггера предостерегают нас от того, чтобы явлению, а особенно феномену, придавать собственное и самостоятельное содержание. Поскольку они есть лишь способы, каким нечто становится доступным, то их содержание определяется чем-то иным. Я думаю, что содержание определяется языком. Попробую оправдать данное утверждение.

Объект может изменять свое значение и статус относительно субъекта, в зависимости от того, рассматривается ли он как знак самого себя или как знак иного. При этом объект активен в качестве агента отношения, которое мы привычно называем явлением. Субъект познания разными формами своей активности дает объекту показывать, открывать себя и «иное» субъекту и окружающему миру. Сам субъект открыт этому открыванию. И происходит это за счет «сдвига» точки зрения на изучаемый предмет. «Сдвиг», или, точнее, инверсия происходит между

знаком и значением. Если предмет воспринимается как значение, то мы имеем при этом знак, который выражал бы это значение, если же предмет воспринимается как знак, то мы ищем значение, которое определено данным знаком. Эта игра состояний «означаемого» и «означающего» определяет динамику познавательного процесса. Проблема данности может найти здесь свое решение. Реальность внешнего мира может присутствовать в субъекте благодаря тем условиям и средствам, благодаря которым субъект воспроизводит себя как субъекта. Одним из таких важнейших средств является язык. И далее, говоря о субъекте познания, я буду иметь в виду человека как существо, производящее символическое и ищущее во круг себя символическое имеющее смысл. С одной стороны, человек ищет «правильные», или «собственные», имена вещей, а с другой — создает «свои» имена для вещей.

Итак, познание есть субъектно-объектная система с обратной связью. Обратная связь обеспечивается двумя взаимосвязанными субъективными актами: интенциональным и респонсивным. Интенциональность есть направленность сознания на что-то, что является коррелятом сознания, что полагается как предмет. Интенциональным актом определяется содержание предмета. Подчеркну, что интенциональность есть способность сознания с помощью имеющихся средств, в частности, знаков, устремляться к область поиска их значений. Интенциональность есть направленность сознания на предмет как на значение знака, посредством которого создается присутствие предмета в сознании. Воспринимаемая сторона вещи может выступать в качестве знака, значение которого полагается сознанием в процессе интерпретации видимого. В интенциональных актах реализуется такая фундаментальная функция знака, как указание. Таким образом, интенция определяет значение знака. Здесь отношение между знаком и его значением условно, произвольно, субъективно, поскольку значение «приписывается» знаку.

Описанная особенность сознания определяет (порождает) тип культуры, или логики мышления, который я назвал бы «культурой правил», или «логикой правил». В рассмотренной выше ситуации мышление осуществляется в пространстве уже данных обозначающих, в котором интенциональные акты полагают обозначаемое. Субъективное отношение к знаку, способ его употребления определяют референт, поэтому здесь действует закон: существует то, что правильно, то есть что задано правилом обращения со знаком. В этом случае сам знак не может быть «правильным» или «неправильным». Здесь означающее безусловно, а означаемое обусловлено. В данном типе культуры знаковые конструкции (правила) указывают на то, что должно иметь место в действительности, что в ней «правильно», а что «неправильно». Поэтому здесь имеет смысл говорить о соответствии действительности понятию, или значению знака. Такое отношение является оценочным, в котором действительность оценивается как упорядоченная, организованная, «правильная» и как таковая противопоставляется неупорядоченной, спонтанно образованной действительности. Итак, интенция задает поле интерпретаций, совокупность значений (смыслов), придаваемых тем или иным способом формам знания (знакам, выражениям, формулам, символам и т.д.). Эти интерпретации и составляют «тело» или содержание культуры, логики мышления рассмотренного типа.

В силу того, что интерпретации могут быть очень разнообразными и даже весьма субъективными, в силу того, интенциональное сознание не может само по себе отличить свои собственные состояния от состояний мира как результата интерпретаций, сознание работает как «фабрика реальности». Но сознание обладает и такой способностью, благодаря которой он может выйти за границы собственных интерпретаций. Такого рода способность связана с тем, что называется «выражением» (по-английски *expression*, или по-немецки *Ausdruck*).

Как отмечают исследователи, проблема выражения, хотя и была поставлена Гуссерлем, но осталась в рамках его «эгологии» неразрешимой [6. С. 151]. Как уже отмечалось, описание сознания с помощью понятия интенциональности должно быть дополнено описанием его понятием респонсивности. Если интенция — это активность сознания, то респонсия (*response*) — это его реактивность. Поиск выражения, притязającego на собственное бытие предмета внешнего мира, осуществляется в процедуре распознавания и признания того, что же нам «дано». Это уже не процедура интерпретации, но акт, который вслед за логиками и лингвистами естественно назвать «именованием». Данное предмету имя представляет его как объект мысли. Акт именования — противоположный акту интерпретации — напоминает понятие интроекции, введенное Ш. Ференци в психологию, которое означает включение индивидом в свой внутренний мир элементов внешнего мира для перенесения на них эмоциональных переживаний [10]. Интроекция обеспечивается такой фундаментальной функцией знака, как функция замещения. Когда на первом этапе познания мы хотим знать что-то о новом предмете, то спрашиваем, прежде всего, как «он» называется. Получив имя предмета, мы еще не стали обладателем развернутой информации о самом предмете, но мы получили в форме имени средство, с помощью которого уже можно мыслить предмет, иметь его в своем сознании. Предлагаемое мною здесь понимание респонсивности несколько шире вальденфельсовского, ибо оно охватывает ответственность не только в отношении претензии чужого сознания, но и претензии вообще всякого «иногo» бытия, будь то материальное или духовное.

Именование играет существенную роль в осознании индивидом окружающего мира. В респонсивных актах знак используется в функции представления данного нам извне и притязającego на выражение содержания. Описанная функция сознания задает совершенно другой тип культуры, или логики мышления, который я назвал бы «культурой выражения». Впервые различие «культуры правил» и «культуры выражения» было предложено мной еще в книге «Свобода и знание» [5].

В культуре выражения сознание направлено, прежде всего, на поиск выражения данного содержания. Здесь задача состоит лишь в том, чтобы найти «правильное» выражение или репрезентативную форму, язык, формулу, соответствующие данному содержанию. В этом, на мой взгляд, и заключается сущность «ответности» сознания. Благодаря ей сознание способно принять «вызов» действительности, ее притязание. Находя «собственные» имена вещей, мы превращаем вещи в факты (фактичности) нашего сознания. В данном типе культуры оппозиция «правильное—неправильное» относится к оценке выражения, знака. «Правильным» считается тот знак, который адекватно представляет фактически существующую

реальность. Таким образом, в данном типе культуры действует другой закон: правильно то, что существует, — ибо здесь означаемое первично, а означающее вторично.

Итак, способ отношения к миру и соответствующая ему культура определяются тем, с какими знаками «работает» субъект: «собственными» или «несобственными». Культура правил фундирована интенциональной способностью сознания. Культура выражения создается столь же фундаментальной способностью сознания — респонсивностью, то есть способностью отвечать на притязание «данного» внешнего содержания. Выделенные здесь два взаимоисключающих способа познания коренятся в присущих сознанию структурах, и мы обнаруживаем их действие во всех сферах жизни.

Диалогичность научного знания очень четко представлена в математике, где конкурируют конструктивный и эмпирический подходы. Математика есть наука и вместе с тем она воплощает в себе определенные типы культуры. На этапе формирования математики, когда еще только складывались представления о числе, фигуре, отношении, в ней доминировала культура выражения. Впоследствии математика становится все в большей мере культурой правил. Современный математик вводит объекты посредством определений, по сути, конструируя объекты.

В конструктивной математике именно знак и его использование определяет и формирует свой референт. Математические объекты вводятся посредством определений и заданием правил употребления символами. Согласно критерию конструктивности «существовать — значит быть построенным». Математика подобно гуманитарным наукам изучает мир символических произведений, сконструированных человеком. Критерием же оценки эффективности математической деятельности является выполнимость (вычислимость) действий. Математика, согласно Декарту и Лейбницу, претендует быть «всеобщей наукой», исходные начала которой должны быть достаточными для получения выводных истин. Тогда все человеческое знание предстанет в виде универсального символического языка. «Эмпирическая» математика реализует себя как культура выражения. Но математическое знание, возникшее на основе опыта, не сводится к представлению его как «образа» действительности.

В связи с этим представляет интерес идея, высказанная Г. Вейлем, о существовании феномена «математизирования». Этот феномен, подобно музицированию, живописанию, литературному творчеству, является одним из проявлений творческой природы человека. Здесь математика выступает в качестве способа осмысления действительности посредством процедуры «математического именованья» вещей, свойств, отношений объективной реальности, в результате чего эта реальность присутствует в преобразованной математической форме в структурах человеческой ментальности. Математика есть язык, каким разум свидетельствует о предметах действительности. Человек, воспринимая явления действительности, видит их как числа, фигуры, отношения, структуры.

В связи с изложенными выше соображениями мне представляется актуальным галилеевское понимание познания. В использовавшейся Галилеем метафоре «природы как книге бытия» содержится мощный методологический потенциал, позволяющий преодолеть ограниченность как конструктивизма, так и наивного ре-

лизма в теории познания. Галилей считал, что «книга природы» написана на языке математики, буквами которого являются числа и фигуры. Каждая вещь, или ее свойство, или отношение есть какое-то число или/и фигура. Математический язык Галилей рассматривал как «собственный» язык природы. Задача ученого — постигнуть этот язык и описать с его помощью природу.

С другой стороны, Галилей обосновал представление об эксперименте как о способе «спрашивания» природы, диалога с ней. Природа сама по себе о себе не вещает. Она начинает «говорить» только тогда, когда ее «спрашивают». Способом вопрошания, открытым Галилеем, является опыт, эксперимент.

Эксперимент есть способ выявления смысла, значения явлений природы как «ответов» на «вопросы», которые задаются ученым с опорой на теорию. Именно теория, как подчеркивал А. Эйнштейн, говорит экспериментатору, что он наблюдает в опыте. То есть теория есть инструмент интерпретации данных опыта. Последние являются знаками, которым мы придаем значения с помощью теории. Но если естествоиспытатель будет «видеть» только то, что содержится в теории, то теория не сможет быть фальсифицируемой. Верификация означает, что теория соответствует опыту, а фальсификация означает, что результаты опыта не соответствуют предсказаниям и указаниям теории. Теория сможет удовлетворять требованию фальсифицируемости, если результаты опыта можно будет описать на другом языке, не совпадающим с языком теории. Вещи, попавшие в условия эксперимента, начинают «говорить», выражать себя, сообщать информацию о себе на «собственном» языке. Иначе все вопросы теоретика будут риторическими.

Мне представляется, что это обстоятельство — наличие двух относительно независимых языков — имеет принципиальное значение. Эти языки я вслед за Б. Расселом и А. Тарским определяю как объектный язык и как метаязык. Первый мы считаем «собственным» языком объектов, или эмпирическим языком, а второй — теоретическим языком, предметом описания которого является объектный, эмпирический язык. Не случайно в квантовой физике используются два языка. Язык классической физики используется для описания результатов наблюдения, а язык квантовой физики как метаязык служит средством описания семантических отношений, то есть отношений между выражениями этого языка и эмпирическими «данными», выраженными в терминах объектного языка.

В целом я думаю, что идея двуязычия и — соответственно — двойственной активности субъекта познания дает средства избежать односторонности и «тупиковости» как конструктивистской, так и реалистической концепций познания. Двуязычие — важный момент, особенно когда думают, что все есть язык. В современной философии очень распространена позиция, согласно которой язык есть универсальный и неустранимый посредник отношений человека к действительности. Я. Хинтикка называет эту концепцию языка универсалистской [13]. Среди ее сторонников он указывает имена М. Хайдеггера, Л. Витгенштейна, Ж. Деррида и других. Основной упрек, который Хинтикка предьявляет этой концепции, состоит в том, что она запрещает обсуждать в языке отношения, связывающие его с миром. То есть семантика этого языка невыразима в самом языке. Я согласен с Хинтиккой в том, что мы можем, пользуясь языком, обсуждать семантические

отношения, в частности, вопрос об истине, как это в свое время сделал А. Тарский. Сам Я. Хинтика различает два языка, которые он называет «язык как исчисление» и «язык как универсальный посредник». Именно благодаря первому имеется возможность переинтерпретировать язык, что означает возможность обсуждения семантики [13].

К сказанному добавлю, что абсолютизация языка как универсального представителя мира вещей понятна, когда речь идет о «собственном языке вещей». К такому образу прибегали и Витгенштейн, для которого логическая структура языка идентична онтологической структуре мира, и Хайдеггер, для которого язык есть дом бытия. Такая позиция оправдана, если признать только одну разновидность языка — объектного языка, или языка объектов. Но тогда действительно семантика этого языка действительно невыразима, поскольку ее тогда просто нет.

Что касается Деррида, то он, как я думаю, занимает иную позицию, отличную от позиции Витгенштейна и Хайдеггера.

Деррида в своей работе «О грамматологии» подчеркивал, что любой знак есть обозначающее, обозначаемое которого есть другое обозначающее, но никогда «сама вещь», какой она предстает нашему взору, «лично» нам, «собственной персоной». То есть все есть знак знака. Эта позиция была бы оправданной, если бы наше сознание существовало бы только в модусе интенциональности и реализовывало бы только функцию интерпретации. Против этого подхода можно выступить, если признать, что есть нечто, что не является обозначаемым. Это нечто как раз и есть то, что выражает себя посредством «собственного» знака, а не внешнего и условного знака. Итерация, на которую указывает Деррида, останавливается допущением, что обозначающее и обозначающее совпадают, есть одно и то же, что реализуется с помощью «собственного языка вещей». Прекращение итерации есть решение вопроса о «данности» без абсолютизации онтологического статуса последней.

Полагаю, что рассмотренные в данной статье представления о взаимодополнительных формах познавательной активности позволят обсуждать новые возможности преодоления ограниченности конструктивистской и реалистической концепций познания.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Вальденфельс Б.* Мотив чужого: Сб. пер. с нем. — Минск, 1999.
- [2] *Кант И.* Критика чистого разума // Кант И. Сочинения. — М., 1964. — Т. 3.
- [3] Конструктивизм в теории познания / Отв. ред. В.А. Лекторский. — М., 2008.
- [4] *Лекторский В.А.* Можно ли совместить конструктивизм и реализм в эпистемологии? // Конструктивизм в теории познания / Отв. ред. В.А. Лекторский. — М., 2008.
- [5] *Неважский И.Д.* Свобода и знание. — Саратов, 1995.
- [6] *Разеев Д.Н.* В сетях феноменологии. — СПб., 2004.
- [7] *Райнах А.* Собрание сочинений // Райнах А. Собрание сочинений. — М., 2001.
- [8] *Розин В.М.* К проблеме границ конструктивизма // Конструктивизм в теории познания / Отв. ред. В.А. Лекторский. — М., 2008.
- [9] *Рокмор Т.* Математика, фундаментализм и герменевтика // Вопросы философии. — 1997. — № 2.

- [10] *Ференци Ш.* Теория и практика психоанализа. — СПб., 2000.
[11] *Франк С.Л.* Введение в философию в сжатом изложении. — Петроград, 1922.
[12] *Херрманн Ф.-В. фон.* Понятие феноменологии у Хайдеггера и Гуссерля. — Минск, 2000.
[13] *Хинтиikka Я.* Проблема истины в современной философии // Вопросы философии. — 1996. — № 9.
[14] *Хорган Дж.* Конец науки. Взгляд на ограниченность знания на закате века науки. — СПб., 2001.

**COMPLEMENTARY FORMS OF THE SUBJECT
OF KNOWLEDGE ACTIVITY:
INTERPRETATION AND EXPRESSION**

Igor D. Nevvazhay

Saratov State Law Academy
Volskaya Str., 1, Saratov, Russia, 410056

In this paper opportunities of overcoming of limitation of both constructivism and realism are discussed. For this purpose I consider interpretation and expression as complementary forms of activity of a subject of knowledge.

Key words: constructivism, realism, intentionality, responsiveness, interpretation, expression.